

ПУТЬ К САМОМУ СЕБЕ

Сценографом он стал по воле случая. В ондратештах, близ Унген, где учился в школе, он Пую не слышал такого слова — сценография. И вообще до аттестата зрелости театр был для него понятнее чуть ли не абстрактным. Он мог бы стать толковым бригадиром, врачом или учителем, словом, человеком, уважаемым на селе в понимании родителей, их опорой в старости лет. Наверное, мог бы. Но в республике как раз в ту пору был объявлен конкурс: ГИТИС набирает учеников...

Что умел тогда Пую, чем мог порадовать и привлечь приемную комиссию? Он твердо постиг несколько произведений Михаила Эмианеску и Иона Крянгэ, с грехом пополам мог образить в лицах басню Крылова, спеть что-нибудь из репертуара Николая Сулака или танцевать, как на сельском празднике. Однако на экзаменах он не сплхнул, и комиссии ничего другого не оставалось, как зачислить его в студенты.

На учебу в Москву мы уезжали вместе — двадцать с лишним молодых людей из разных республик. Уже сколько лет минуло, а не слышится: «Мэй, Пую, мэй! Бросил бы ты свои штучки! Ты посмотри, что в комнате творится? Расписал ее, как яйцо на пасху! Живоискусью себе на здоровье, но делай это по-человечески. Нет, вы только посмотрите, какую он магу переводит!»

Я равнодушно смотрел тогда на горы разлетанной бумаги, которую безжалостно выкидывал неисправимый Ион Пую. Откуда могло знать, что через десять — пятнадцать лет он станет театральным художником.

Когда на актерском факультете решалась судьба студента, профессор О. Пыжова определила: «Вы, сударь мой, как актер ничем особенным себя не проявили... Правда, работаете вы хорошо, даже на режиссуру замахнулись, но не умеете ли, такое впечатление, что вы смотрите на сцену глазами художника-сценографа. Может, есть смысл перейти на факультет художников-оформителей?»

— Нет! — возмущенно отвечал Ион. — Я приехал, чтобы стать актером!

Крестьянский сын, настырный и жадный на работу, он решил доказать всем, что актерская жилка у него все-таки есть. Мастера сценического искусства не могли не оценить настойчивость и дарование студента, смело идущего на труднейшие сценические пробы.

— Пойми, душа моя, — говорила ему педагог по актерскому мастерству О. Старостина, — талант у тебя, как говорится, дай бог, но таким характером в театре далеко не пойдешь. Сцена не прощает разбросанности. Наставлял и профессор М. Чистяков:

— Сцена — это жаровня! Всем дает жару, остывает за каламбур. Она выжигает и разрушает все фальшивое, наносное. Где есть видимость игры — там нет искусства. Поэтому тай-

но актерского мастерства надо постигать в самом серьезном смысле этого слова. В театре нет и не может быть малых ролей. Каждая мелочь здесь — самое важное! Так что мой тебе совет: не трать себя по пустякам и не теряй времени...

Нужно иметь нечеловеческое терпение и упрямство, чтобы не прислушаться к этим мудрейшим советам. Нужно иметь добродушный характер, чтобы вынести все ласмешки и остроты своих друзей-студентов. Бросаясь на разные театральные поприща, Пую рисковал остаться дилетантом во всех сферах театрального искусства.

К счастью, этого не произошло. Прибыв в Кишинев с дипломом актера театра и кино в кармане, Ион Пую оформил свой первый спектакль под названием «Будьте счастливы, люди!». Актером он не стал. Зато стал театральным художником.

Года через два уже как художник Пую появляется в республиканском театре «Лучафэрул». Первым его серьезным экзаменом была декорация к спектаклю «Ипполит» Еврипида. Народный артист МССР Сандру Ион Шкуря ставит вместе с ним еще два спектакля — «Птицы нашей молодости» Иона Друца и «Свадьбу» Вертольда Врехта. Ион Пую оформил и такие важные для него спектакли, как «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского (по-

становка И. Тодорова) и «Алексей Карамазов» (постановка Л. Калиновского).

После грандиозного провала спектакля «Модарт и Сальери», которым Пую решил потрясти зрителя театра «Лучафэрул», выступив одновременно в ролях художника-декоратора и режиссера, он уехал в Бельцы — подальше от столицы — и стал работать в местном Драматическом театре имени Василе Александри. Найдя однажды Пую в скромной мастерской за чтением «Сказки об Арапе Белом» Иона Крянгэ, я высказал ему опасение:

— Уж не решил ли ты попробовать себя в драматургии?

На что он только почесал рыжую бороду и усмехнулся:

— Как знать, как знать...

И где-то через год, прочтя его пьесу по мотивам известной сказки И. Крянгэ, я вспомнил эту загадочную усмешку. Сказка пришла по вкусу и детям в театре «Ликурич» (режиссер Т. Жуков), и взрослым в Молдавском музыкально-драматическом театре имени А. С. Пушкина (режиссер А. Бэляну). И главное: Пую всех порадовал своими декорациями. Тогда мы, бывшие его сокурсники, окончательно осознали: нет, все же он художник, и весь ма талантливый!

О нем стали говорить и писать. Подчерки-

вали своеобразие его сценографии, острое, разное видение, тонкий вкус и глубину мысли. И вот уже его первые работы появились на республиканской выставке художников театра, кино и телевидения. В них чувствовалось яркое, образное решение сценического пространства, они были по своей сути глубоко национальны. Этнография и фольклор всегда помогали ему в минуты подлинного вдохновения. Пую заставляет зрителя задуматься. Декорация у него всегда многозначна в своей разности, но не давит на актера, на режиссерский замысел, а как бы дает пространство творчеству.

Скажем, в спектакле «Ипполит» И. Пую создает греческие развалины и древние темпальные маски. И вот стоят на сцене полуколонны — семь слева и семь справа, символ былой цивилизации, погребенной под вулканической лавой. И на круглое сценическое пятно посередине сцены ложится тень огромной маски, одинаковой в грусти и радости.

Или вот символика в «Птицах нашей молодости». Этнографическая гармония в масках, заборе, выстроенном из стилизованных журавлей, в черных ласточках на синем небе. В самом центре — колодец-журавль, опустивший тяжелую цепь. А вот дома крестьян из «Два аиста» и пейзаж, пронзительно напоминающий молдавскую степь. Или знакомые детства ворота, как интермедийный занавес.

Ион Пую, как правило, скуп на средства, не на выразительность. Чувствуется шик выездных спектаклей на сценических площадках молдавского села, где никак не дашь себе волю в использовании постановочных средств.

Лет семь назад Ион Пую уехал в Москву на стажировку к известному сценографу, главному художнику Театра имени Моссовета Э. Стенбергу. И открыл новые горизонты творчества. А вскоре по возвращении стал главным художником Молдавского академического музыкально-драматического театра имени А. С. Пушкина.

Ион Пую доказал, что художник-сценограф может быть и великолепным портным, и плавником, и поэтом, и скульптором, если угодно и драматургом. Словом, стал большим художником, каким может быть в искусстве только очень одаренный и одержимый человек независимо от избранной профессии.

● Ион Пую.
● Литография из серии «Табакководы».
Фото Б. Бала

И. ШВИТКИ